

С кануна Нового года Цзян Жуй и Чжао Нань ни разу не встречались друг с другом. Семья Чжао должна была подготовить выкуп за невесту, а семья Ду – приданое.

В наши дни только люди с хорошим семейным прошлым осмеливались обещать три основные вещи, когда вступали в брак. Мужская сторона была уважаемой, следовательно, женская сторона не могла быть слишком плохой. Семья Ду ходила по округе, прося о помощи, и, наконец, купила два новых одеяла из соседнего округа, а также сшила Цзян Жуй красное платье.

В мгновение ока наступил двенадцатый день первого лунного месяца. Ранним утром во дворе семьи Ду было оживленно.

Ван Тунхуа пригласила тетю семьи Ду «открыть» лицо Цзян Жуй (Т/Н: это китайская свадебная традиция, это означает удалять волосы с лица и подравнивать линию роста волос), а затем расплела две косички, которые она обычно носит, и собрала их в пучок на затылке, скрепленный красной веревкой. С «открытым» лицом и изменившейся прической это означало, что эпоха, когда она была девушкой, закончилась, и с сегодняшнего дня она будет чьей-то невесткой.

Приведя себя в порядок и переодевшись в свадебное платье, Цзян Жуй села на край кровати, а Чжан Сяохуа и Ду Баочжэнь сопроводили ее в дом. Тем временем остальные члены семьи Ду и несколько родственников были заняты снаружи, готовясь к приезду семьи Чжао.

Ду Баочжэнь прислонилась к Цзян Жуй, взяла ее за руку и прошептала:

— Сестра, я не хочу, чтобы ты уходила.

— Две семьи живут близко друг к другу, когда ты будешь скучать по мне, просто приди и найди меня, — тихо сказала Цзян Жуй.

— Это другое дело. Мы вдвоем спали в этой комнате с детства, и нас никогда не разлучали. С этого момента я останусь одна, — расстроилась Ду Баочжэнь, ведя себя как избалованный ребенок.

Затем Цзян Жуй сказала:

— После пятнадцатого ты должна пойти в школу. Здесь так много одноклассников, ты никогда не будешь одна. Последние полгода очень важны, так что не отвлекайся. В выходные, если у тебя есть время, помоги маме, не позволяй ей слишком уставать. Невестке приходится заботиться о Сяо Шаньчжэ, а также кормить кроликов, поэтому иногда она может быть не в состоянии справиться с этим, тебе тоже следует помочь присматривать за ней.

— Понятно, — сказала Ду Баочжэнь, удлиняя тон.

Цзян Жуй улыбнулся и повернулась к Чжан Сяохуа:

— В будущем мне придется беспокоить невестку, чтобы она заботилась о семье.

Чжан Сяохуа поспешно ответила:

— Мы все семья, у нас нет проблем, — говоря это, она смотрела на выражение лица Цзян Жуй.

Она вспомнила, как годом ранее вышла замуж за члена семьи Ду. Прощаясь дома со своими

родителями, братьями и сестрами, прежде чем она смогла произнести несколько слов, она плакала до тех пор, пока ее глаза не покраснели. Независимо от того, сколько конфликтов и жалоб у них было друг на друга, когда настал день их расставания, она все еще чувствовала нежелание в своем сердце. Кроме того, были также ожидания и беспокойство по отношению к ее будущему мужу и свекрови. Можно сказать, что у нее было много смешанных чувств, и в ее радости была печаль.

Но, глядя на свою младшую золовку, выражение ее лица по-прежнему было спокойным и умиротворенным, ни нежелания, ни радости, как будто человек, который собирался выйти замуж сегодня, точно не она. Такой непредсказуемая.

Чжан Сяохуа чувствовала, что эта младшая золовка была непростой с того момента, как началось сватовство с семьей Чжао, и теперь с каждым прошедшим днем она становилась все более и более уверенной. У нее также было предчувствие, что, когда Ду Баоцинь была дома, она заботилась о семье Ду упорядоченно и усердно. После того, как она уедет, семья Ду, которая так привыкла к ее заботе, смогут ли они восстановиться за такое короткое время? Если они не смогут привыкнуть к этому через некоторое время, начнутся конфликты. Думая о возможных спорах в будущем, Чжан Сяохуа почувствовала легкое раздражение.

Они разговаривали, когда внезапно снаружи послышался шум. Оказалось, что прибыл кто-то из семьи Чжао.

Первые несколько молодых парней, каждый из которых вел велосипед, были заметны и энергичны. Чжао Нань, все еще в военной форме, поверх которой было шерстяное пальто, выглядел прямо и внушительно. Он поджал губы и с серьезным видом направился к Ду Юфу и Ван Тунхуа.

Напуганная напором, Ван Тунхуа бессознательно отступила на полшага назад.

Остальные зрители кричали и освистывали, когда увидели приближающуюся свадебную группу. Но в это время все они остановились и растерянно посмотрели друг на друга: что здесь происходит? Семья Чжао была здесь в такой агрессивной манере не для того, чтобы сопровождать невесту, а вместо этого, чтобы похитить невесту?!

Чжао Бэй тревожно топал ногами позади своего брата. Видя, что он долгое время ничего не говорил, и такая праздничная сцена стала необъяснимо напряженной, он протиснулся вперед и сказал с улыбкой:

— Дядя, тетя, мой брат здесь, чтобы забрать невестку, — говоря это, он тайком ткнул Чжао Наня пальцем.

Затем Чжао Нань продолжил:

— Папа, мама, я здесь, чтобы забрать Баоцинь.

— О, о, о ... хорошо ... — Ван Тунхуа и Ду Юфу кивнули и ответили подсознательно.

Чжао Бэй сделал жест, давая знак включить музыку.

Затем место снова оживилось, и зрители снова начали аплодировать, но сцена, которая только что произошла, осталась в сердцах каждого. Некоторые люди не могли не думать, что второй мальчик из семьи Чжао достоин быть солдатом, и его аура отличалась от других.

Чжао Наня отвели в комнату Ду Баоцинь, и остальные последовали за ним, чтобы присоединиться к веселью.

Цзян Жуй сегодня нарядилась, ее тонкие черты лица с подведенными бровями и бледно-нефритовыми щеками, накрашенными легким румянцем, выглядели нежными, как цветы персика на ветке.

На ней было красное платье, и она сидела прямо на краю кровати. Только когда толпа хлынула внутрь, она подняла взгляд, затем опустила глаза, ее щеки понемногу загорались румянцем.

Ликующая толпа замолчала. Они ошеломленно смотрели на нее, долгое время не в силах прийти в себя.

Чжао Нань приближался к ней шаг за шагом. Хотя в комнате было много людей, других звуков не было слышно, что делало его шаги особенно отчетливыми. Он подошел к Цзян Жуй, постоял некоторое время, затем присел на корточки, чтобы посмотреть на нее, и медленно протянул руку:

— Я здесь, чтобы забрать тебя.

Цзян Жуй посмотрела на него и вложила свою руку в его ладонь.

Чжао Бэй внезапно присвистнул, нарушая странную тишину в комнате:

— Неси ее! Неси ее!

Затем остальные люди пришли в себя, и все они эхом повторили:

— Вынеси ее, вынеси ее!

Цзян Жуй склонила голову, и когда никто не смотрел, она изогнула губы и улыбнулась Чжао Наню.

Уши Чжао Наня покраснели, но он не хотел отводить от нее взгляд. Спустя долгое время, под рев толпы, он поднял Цзян Жуй на руки.

Свист и смех, казалось, вот-вот снесут крышу с дома Ду.

Чжао Нань отнес Цзян Жуй в главную комнату, затем она хлопала его по руке, жестом предлагая опустить ее.

Ван Тунхуа и Ду Юфу стояли в комнате. Цзян Жуй подошла к ним и предложил две чашки чая:

— Папа, мама, ваша дочь уезжает, вы должны быть осторожны.

Этот чай был предложен от имени Ду Баоцинь.

Слезы Ван Тунхуа потекли мгновенно, глаза Ду Юфу покраснели, а остальные члены семьи Ду вытирали глаза.

Цзян Жуй села позади Чжао Наня на его велосипеде и обняла его за талию. Выйдя из дома Ду, они миновали всю деревню Сишань, прежде чем прибыть в дом Чжао.

Дом Чжао был полон гостей, и во внутреннем дворе стояло от четырех до пяти столов.

Учитывая текущую ситуацию, это было чрезвычайно грандиозно.

Этот ужин длился с полудня до вечера, и семья Чжао была занята тем, что развлекала гостей. Цзян Жуй также сопровождала Чжао Наня повсюду, угощая гостей вином и чаем.

После того, как ушел последний гость, вся семья была почти парализована от истощения, но они еще не могли отдохнуть, так как столик, оставленный на свадебном банкете, все еще нуждался в уборке.

Цзян Жуй проявила инициативу, чтобы помочь собрать чашки, тарелки и палочки для еды. Чжан Лиюнь увидела, что она не смыла макияж с лица, и поспешно остановила ее:

— Оставь, оставь, ты сегодня достаточно устала. А-Нань, почему ты не берешь мою невестку отдохнуть?

Цзян Жуй сказала с улыбкой:

— Я мало что сделала, как это можно сравнить с тяжелой работой мамы? Тебе не нужно уговаривать меня отдохнуть, вся семья усердно работает, и я буду единственной, кто наблюдает за домом, скрестив ноги, разве это не заставит меня чувствовать себя неловко?

Чжан Лиюнь почувствовала себя непринужденно, когда услышала это, ей показалось, что она выпила чашку сахарной воды. Хотя сегодня она была так занята, словно на войне, она чувствовала только радость в своем сердце, когда такая прилежная и разумная невестка вышла замуж за члена их семьи.

В семье Чжао было много людей, и с помощью каждого дом и двор вскоре были почти убраны. Им оставалось только подмести землю, но Чжан Лиюнь не позволила Цзян Жуй помочь и погнала ее обратно в дом.

Цзян Жуй больше не настаивала и последовала за Чжао Нанем обратно в их комнату.

Комната была намного больше, чем та, что была в доме Ду, со всей подготовленной мебелью, кроватью, шкафом, столами, стульями и наклейками «двойное счастье» повсюду. (Примечание: наклейки являются символом удачи и выглядят вот так: ☐ )

Цзян Жуй сидела за столом, массируя себе плечи.

— Устала? — Чжао Нань сел и налил ей чашку чая.

Цзян Жуй сделала глоток и сказала:

— Дело не в том, что я устала, просто я весь сегодняшний день улыбалась людям, и у меня такое ощущение, что мое лицо застыло. Поторопись, помоги мне взглянуть, не осыпалась ли пудра с моего лица от всех этих улыбок и смеха?

Она повернула лицо к Чжао Наню. В тусклом желтом свете ее нежные щеки были белыми и покрасневшими. Из-за всех винных тостов ее глаза были чуть мутными от водяного пара, и казалось, что в них сверкают осколки звезд. Маленькие, красные, водянистые губки, слегка надутые, мерцающие на свету, как рябь на воде, сердца тех, кто увидит это, затрепещут.

Чжао Нань долгое время ничего не говорил.

Цзян Жуй вытянула свой тонкий пальчик, ткнула его в грудь и тихо пожаловалась:

— Почему ты игнорируешь меня?

Чжао Нань держал и сжимал ее палец, его горло поднималось и опускалось. Через некоторое время он спросил:

— Ты голодна?

— Ты считаешь меня маленьким поросенком? Я так много съела раньше, как я могу быть голодна сейчас? — Цзян Жуй отдернула руку и увидела, что он снова сидит напряженно, как будто не знает, что сказать, поэтому она сказала: — У меня немного чешется лицо, принеси мне воды, чтобы я умылась.

Чжао Нань немедленно встал и вышел, затем быстро вернулся с ведром горячей воды и тазом для умывания.

Цзян Жуй вымыла лицо и руки и вздохнула с облегчением, но она почувствовала, что ее тело было немного липким, и случилось так, что воды все еще было много. Она хотела вытереть свое тело, но как раз перед тем, как расстегнуть одежду, вдруг вспомнила, что в данный момент она не одна.

Она повернула голову и увидела, что Чжао Нань пристально смотрит на нее. В ее сердце снова появилась идея. Она округлила глаза и, сжав горло, сказала сладким тоном:

— Я собираюсь раздеться, дядя хочет посидеть и посмотреть?

Чжао Нань со стоном встал, вышел из комнаты, словно унесенный порывом ветра, и после того, как дверь закрылась, стул за его спиной, покачнувшись, рухнул на землю.

Цзян Жуй напевала какую-то мелодию и медленно вытирала свое тело.

Снаружи комнаты, спиной к двери, стоял Чжао Нань, как стражник, от его лица исходил жар.

Дверь в доме Чжао была толстой. Само собой разумеется, что он не мог слышать движений в комнате из-за двери, но ему всегда казалось, что в ушах у него шумит вода. Когда он подумал о том, что делает человек внутри, он не только почувствовал, что его лицо горит, ему даже показалось, что из головы идет пар, и он встал по стойке в тревоге. Но, желая, чтобы жар покинул его мучительное место, его ноги не могли сдвинуться даже на полдюйма.

<http://tl.rulate.ru/book/105201/3714852>